

их то рогом, то крупным клыком, похожим на бивень. (Ср. рис. 35 у Анучина). Можно думать, что поводом для возникновения таких изображений служили, как и в более позднее время, находки бивней мамонта, заставлявшие предполагать о существовании какого-то крупного, но неизвестного зверя. Если это так, то некоторые экземпляры „ящеров“ у народов Приуралья можно рассматривать как разновидность мамонта, в основе которой лежит представление о медведе или бобре. Этим устанавливается некоторая связь современного материала с археологическим. Общие черты можно усмотреть также в том, что „ящера“, как и мамонта, некоторые исследователи относят к числу легендарных подземных животных. Вот что по этому поводу пишет Д. Н. Анучин: „Зверь этот... изображался или в виде отдельных фигур, или в подножии антропоморфных и зверовидных фигур «образков», как бы заменяя собою землю; повидимому он и представлялся живущим в земле... Тем не менее, ящер представлялся все-таки способным к передвижению на себе других, более или менее антропоморфных существ“.¹ При чтении этих строк невольно вспоминаются юкагирские шаманы, рассматривавшие мамонтов как ездовых животных.

Д. Н. Анучин склонен был видеть в пермском „ящере“ образ фантастического животного, сложившийся где-то в тропической зоне Южной Азии и достигший затем нашего Севера посредством культурных связей и влияний.² Нам кажется, что нет достаточных оснований считать этот образ заимствованным из южных, тем более тропических, стран. Если это возможно в отношении дракона, то мало вероятно применительно к ящеру-мамонту. На местной почве, как мы видели, в связи с обильными находками костей и бивней мамонта, совершенно независимо от юга, могли сложиться те представления, которые нашли свое отражение в ряде полуреальных, полуфантастических изображений, восходящих частично или полностью к мамонту.

Дополнения к статье „Мамонт в искусстве народов Сибири“

Языковые данные по термину хэ́л ~ кэ́л

Г. М. Василевич

Бивни мамонта в эвенкийском языке называются «хэли» («сэли» — в говорах, испытавших влияние фонетики якутского языка). Эти же словом называется и обладатель их, которого эвенки смутно представляют себе в виде огромного рогатого животного, принимая его бивни за рога, называя их иногда «хэли иелин» — рога мамонта. Термин «хэли», повидимому, вошел в якутский язык («хэли-сэли»). В языке кетов мамонт — *tél* (Кастрен). В одном из шаманских мифов говорится: „Забрал мамонт

¹ Д. Н. Анучин. К истории искусства...; стр. 115.

² Там же; стр. 148—149.

в воду, засадил в дно крепкие бивни [рога] и стал выворачивать со дна песок, глину и камни... Ушел мамонт на полночь, ворочая мокрое дно".¹

Представление о мамонте вошло в шаманскую мифологию, и это огромное чудовищное животное было введено в сонм шаманских духов: «хэлидян» — шаманский дух (Н. Тунгуска), «калу~калун» (Сев. Байкал, верхняя Лена), «калир~кэлур» (к западу от Енисея). По мифологии это чудовищное животное было поселено на средней части нижнего шаманского мира — большой реке «Эн-декиг», протекающей в стране мертвых, на «самые высокие и самые крутые утесы». Оно стоит в ряду самых страшных духов. Но наряду с этим «калир» обозначает большое деревянное изображение порося (лося или оленя), которое изготавливается для камлания «икэнипкэ». Устанавливают его снаружи от чума, в котором происходит хорэвод, за «мал'у» (место против входа за очагом), около трех воткнутых в землю священных деревьев: лиственницы, березы и кедра. Это один из духов-помощников, который «несется» вместе со всем народом и шаманом к истокам реки.

Следовательно, в представлении шаманов этот «калир», или «хэлидян», имеет черты наземного копытного животного, но живет в воде и потому обладает чертами водного животного или рыбы. Подобные представления отразились и на изображениях легендарного животного среди металлических подвесок на спинке шаманского плаща. Необходимо подчеркнуть, что изображение «калир'а» встречено только среди шаманских предметов, миф о нем связан только с шаманской космогонией.

Таким образом, это чудовище-животное связано с землей (лось, олень), водою (вода, река, озеро, рыба, нерпа, кит) и миром мертвых (смерть, покойник, злой дух или дух смерти). Корень названия «калир» — «хэл ~ кал» с указанными значениями прослеживается не только в языках тунгусо-маньчжурской группы, но значительно шире — в языках алтайской, уральской, индо-европейской, яфетической систем и в палеоазиатских языках.

Рассмотрим корень «кVл || хVл» по линии воды, земли и мира мертвых.

а) В связи с водою

Ту-ма² — эвенки: «холемтэ ~ колемтэ ~ кали» 'карась'; «калим» 'ходовая рыба', 'белуха', 'кит' (у восточных эвенков); солонь: «кэду» 'таймень'; удэ: «калима» 'кит', «кали» 'сиг'; орочи: «калима» 'кит'; ульчи: «калма» 'кит'; «кэли» 'часть заездка'; нанай: «кале» 'промерзнуть до дна', «калема» 'кит'; маньчжурь: «калиму» 'кит', «калфини» 'камбала', «хали» 'трясина'.

Мо — монголы: «көлентэ» 'карась', «халиму» 'кит', «гоол» 'озеро'.

Тю — карагасы: «хэл ~ кэл» 'озеро'; узбеки, татары и др.: «кул» 'озеро'; якуты: «күөл» 'озеро', «һалым» 'кит'; «кула» 'северный склон'; чувашаи: «пулэ» 'рыба'.

Са — иганасаны: «көле» 'рыба'; ненцы: «халэ» 'рыба'; селькупы: «куеле» 'рыба'; камасинцы: «кола» 'рыба'.

Ф-у — финны, эсты: «кала» 'рыба'; саамы: «куелле» 'рыба'; манси: «хул ~ кул» 'рыба'.

Па — кеты: «кулгур» 'моксун'; ительмены: «кэлилак» 'тюлень'.

Яф — сваны: «калмак» 'рыба'; грузины: «калмак» 'форель'.

¹ Материалы по эвенкийскому фольклору. Л., 1936, стр. 280.

² Условные сокращения: **Ту-ма** — тунгусо-маньчжурь, **Мо** — монголы, **Тю** — тюрки, **Са** — самоеды, **Ф-у** — финно-угры, **Па** — палеоазиаты, **Яф** — яфетиды.

б) В связи с землей

Ту-ма — эвенки: «хэли» 'мамонт', «кела» 'низ долины', «калир» 'порог', 'дух помощник шамана', «кэлу» 'гадюка' (реки Нерча, Аян); «калдяну» 'барсук' (Нерча), «колин ~ кулин» 'змея', «хулан» 'жаба'; солонь: «холое» 'змея'; удэ: «кулига» 'змея'; ульчи: «кулан» 'червяк'; нанай: «колла» 'змея'.

Са — нганасаны: «калайя» 'мамонт'.

Па — юкагиры: «колгул» 'мамонт'.

в) В связи с миром мертвых

Ту-ма — эвенки: (см. выше) «колоки» 'гроб'; негидальцы: «калгам» 'женщина-оборотень'; нанай: «калгана» — изображение горного духа; ульчи: «калджама» — изображение горного духа, который ведаёт пушной и рыбой.

Тю — алтайцы: «кала» 'злой дух'; якуты: «кәлани» 'дух сластолюбия' (Пекарский).

Са — камасинские: «колму» 'бог смерти', 'душа усопшего'; «халмер» 'смерть'.

Ф-у — коми: «кулём» 'мертвый', «кули» 'умирать'; мари: «колем» 'умирать'; ханты: «көлма» 'умирать'; удмурты: «кулон» 'смерть'; манси, коми: «кул» 'чорт', 'злой дух'; ханты: «кул» 'смерть'.

Шумеры: «галлу» 'смертоносный дух'.

Этрусски: «калу» 'бог смерти'.

Н. Я. Марр, анализируя термин „рыба“ на других корнях, показывает связь его с водою, с китом, пресмыкающимися и связь воды с мраком, тенью, смертью, голодом, холодом.¹

Значительный материал на указанные значения по разным корням собран в работе Зифельдта-Симумаги.²

Если тунгусские слова «хэли» и «калир ~ кэлу» выражают одно и то же представление о чудовищном животном, то появление слова, имеющего в корне «кVл || хVл», восходит к ранним языкам Азии. Вариант «кVл» развился с представлением о мире мертвых, находящемся на реке. В эвенкийской среде это представление было развито шаманами. Основанием для него послужил реальный образ самого крупного наземного рогатого животного — лося; нахождение остатков мамонта в земле и величина их заставила поселить его на Энгдекит и наделить признаками морского животного (тюленя — западные эвенки, может быть белухи или кита — восточные эвенки).

Мамонт в фольклоре и изобразительном искусстве казымских хантов

В. В. Сенкевич-Гудкова

У казымских хантов существует довольно много преданий и сказок о мамонте, который на казымском диалекте называется «мув-хор» 'земли олень-самец'. Это название применяется только к мамонту.

Казымцы рассказывали, что когда они ездили сватать невест к хантам низовьев р. Оби, то встречали по пути огромные кости и бивни мамонта, которые они называли «мув-хор онгыт» — 'подземного зверя рога'.

¹ Н. Я. Марр. Избр. раб., II, стр. 175—173, 216—223.

² Uralo-altaica. Баку, 1928.